

**Андрей Евгеньевич
ИВАНОВ,**
старший преподаватель
кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
aeivanov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Методология и инновации юридической науки

О догматизме юриспруденции и догматическом методе

Аннотация. Статья посвящена догме права и догматичности правового мышления. Догма права рассматривается в качестве априорного допущения, выступающего в роли фундаментального логического постулата в нормативной системе положительного права, требующего соблюдения определенной последовательности мыслительных операций. В юридической науке (юридическом позитивизме и правовой догматике) догма имеет отношение к особой области исследования, направленной на анализ действующего права с целью его практического применения. Подчеркивается, что догматический метод выступает основным инструментом для формализации человеческого поведения посредством целостной системы юридических категорий, представляя собой совокупность способов анализа и обработки правового, юридически значимого материала.

Отдельное внимание уделяется тому, что положительное право, сохраняя связь с общественно-исторической практикой, — не только консервативная, но и адаптивная (открытая) система. Она способна к развитию, усложнению, воспроизведству и внутренней дифференциации при соблюдении правил, определенных внутренними закономерностями существования правовой материи. Делается вывод, что догматический метод позволяет обеспечить правильное (логически верное, соответствующее природе права) взаимодействие с юридическим материалом. Овладение им способствует развитию профессионального юридического мышления и мировоззрения, одновременно повышая качество юридической работы.

Ключевые слова: догма, догма права, догматизм, догматичность, догматический метод, юридический позитивизм

DOI: [10.17803/2311-5998.2025.134.11.094-103](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.134.11.094-103)

Andrei E. IVANOV,

*Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)
aeivanov@msal.ru*

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

On Jurisprudence's Dogmatism and Dogmatic Method

Abstract. The article is devoted to the dogma of law and the dogmatism of legal reasoning. The dogma of law is considered as an a priori assumption that acts as a fundamental logical postulate in the normative system of positive law, requiring compliance with a certain sequence of mental operations. In legal science (legal positivism and legal dogmatics), dogma refers to a special field of research aimed at analyzing current law in order to apply it in practice. It is emphasized that the dogmatic method is the main tool for formalizing human behavior through an integrated system of legal categories, representing a set of methods for analyzing and processing legal, legally significant material.

Special attention is paid to the fact that positive law, while maintaining its connection with social and historical practice, is not only a conservative, but also an adaptive (open) system. It is capable of development, complication, reproduction and internal differentiation while observing the rules determined by the internal laws of the legal matter existence. In conclusion it is emphasized that the dogmatic method makes it possible to ensure correct (logically valid, consistent with the nature of law) interaction with legal materia. Mastering it makes great contribution to the development of professional legal thinking and ideology, simultaneously improving the quality of legal work.

Keywords: dogma, legal dogmatics, dogmatism, dogmatic, dogmatic method, legal positivism

I. Догма и догматическая юриспруденция

А. Догма права. Догма есть априорное и «необсуждаемое» допущение, выделенное рассудком «из общего потока практического мышления»¹. Она — незыблемый логический постулат, требующий придерживаться определенной последовательности мыслительных операций в ситуации, описываемой нормативной системой, опирающейся на такое основоположение. Поскольку догма воспринимается на веру или предполагается как данность (с наибольшей последовательностью это себя проявило в религиозной, причем, надо сказать, монотеистической, доктринах), отчего напрямую зависит формальная действительность нормативной системы, все закономерные следствия, вменяемые такой системой, также признаются не подлежащей сомнению данностью.

¹ См.: Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 393.

Особым случаем догматического мышления выступает тот, который надлежит связывать с *догмой права*. Это имя обычно используется для обращения к позитивному праву, взятому «независимо от нашего отношения к нему и действий по его изменению»² — в том виде, в каком «материя» правовых идей получает конкретную форму благодаря правовому тексту. И, хотя очевидно, что право, эта формальная искусственная модель, есть нечто идеальное — доступное прикосновению разума, но не чувства, — оно, зафиксированное в правовом акте, есть в известном смысле также и факт, с которым нельзя не считаться³.

Слово «догма» имеет отношение к общей ориентации, направленной на «исследование какого-либо действующего права в интересах применения его на практике» и реализуемой в форме определения, описания, обобщения и классификации правовых категорий. Справедливо подчеркивается непосредственная связь догмы с длительной общественно-исторической практикой, ибо «за догму говорит вековой опыт юриспруденции»⁴, или, вернее, с осмыслением такой практики и созданием формализованного портрета ее в плоскости абстрактной мысли⁵. Догма вообще есть продукт юридического мышления, интуитивно предпославшего ее и наделившего соответствующей «силой», зацементировав в основании нормативной системы положительного права⁶.

Догма права как особая область смысла исследуется философско-правовой платформой правового позитивизма в рамках общей теории права, но прежде всего, ибо сам догматический метод вырабатывается в ходе практики — догматической (отраслевой) юриспруденцией, образуя с нею органическое единство, лишь впоследствии проникая в более юное общетеоретическое правоведение⁷. Догматика конструирует собственный предмет, склоняясь к эмпирической базе, вернее, к *формально-логическому срезу «правового закона... но не высказываний... правоведения, описывающих... право» или оценивающих его*⁸.

Правовая догматика не создает нормативные связи, конституирующие нормативную систему, а также вмененные следствия между элементами этой последней. Наука — не законодательствующий разум, она не занимается правотворчеством ни в какой форме, хотя и способна содействовать ему. Она только описывает связи правовой материи и внутреннюю логику ее юридико-техническим языком, воссоздает их в сфере абстрактной мысли. Непосредственный интерес догматического правоведения не обращен ни к чему иному⁹. Изучение

² См.: Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1998. С. 156—157.

³ См.: Austin J. Lectures on Jurisprudence, or the Philosophy of Positive Law. 1885. Vol. 2. P. 874, 997, 1072.

⁴ См.: Муромцев С. А. Что такое догма права? М., 1885.

⁵ См.: Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической доктрины. М., 2012. С. 6, 60, 333, 439.

⁶ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб., 2023. С. 253, 256.

⁷ См.: Жуков В. Н. Догматический метод и мифы юридического позитивизма // Право. Порядок. Ценности : монография. М., 2022. С. 13—15.

⁸ Кельзен Г. Указ. соч. С. 118, 134.

⁹ См.: Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. М., 2016. Т. 4. С. 25.

формальной стороны права считается тождественным изучению права в том виде, в каком оно есть, ведь только указанная плоскость может восприниматься в качестве «права»¹⁰.

Б. Догматичность и догматизм. Консерватизм догматической юриспруденции. Представляется, что слова «догматизм» и «догматичность» — отнюдь не тождественные понятия, хотя оба и связаны с формами мышления. Догматизмом допустимо именовать некритическую опору на некоторую определенную однажды разумом исходную посылку. Значение последней оказывается настолько велико, что не только дальнейшие заключения или логические развития понятий, осуществленные дедуктивным образом, но и сами исходные начала системы заостряют настолько, что и форма, и содержание чего-либо, основывающегося на таких доктринах, должны начать восприниматься в качестве привязанных к одному-единственному «центральному случаю», трактовке которого надлежит оставаться неизменной, несмотря на конкретные обстоятельства места и времени.

Догматизм есть выхолощенный вариант мышления, сведенный к безжизненным формам, когда форма начинает давить над содержанием, ответ — над вопросом и путями достижения искомого. Это легкий и поэтому опасный путь, поскольку ставит приверженность впереди уяснения, тезис — впереди понятия, приписывание образа — впереди настоящего облика. Действительно, какова будет цена содержания, если попросту сымитировать некоторую форму, пускай даже наиболее совершенную из существующих? Об опасности подобного взгляда для догматической юриспруденции (ибо подлинная наука «должна начинать с мифов и критики мифов»¹¹) было прекрасно сказано в ином месте¹².

Догматичность, напротив, есть вполне нормальный и «добропорядочный» термин, смысловое содержание которого определяется вещью, к которой он, как ярлык, имеет прямое отношение, — «объективным (позитивным) правом», постулируемым как нечто априорно сущее в философском смысле, ибо выступает в качестве «строго определенной реальности — “данности” и “неизменности”»¹³.

Догматичность есть характерное свойство научного знания, по крайней мере высокого его образца, выражющееся в последовательном и «аргументированном» выведении одних положений из других с учетом принятых в такой системе правил достоверности и «истинности». Наука не может не быть догматичной, если она заинтересована оставаться принципиальной, а равно в собственном внутреннем единстве, т.е. не может не являть собой сколько-нибудь цельную систему мирозерцания — органическое единство понятий, приемов и средств, к

¹⁰ См.: Austin J. The Province of Jurisprudence Determined and the Uses of the Study of Jurisprudence. London : John Murray, Albemarle Street, 1832. С. 307.

Об опасности размыкания области положительного права см., например: Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань, 1898. С. 35—37.

¹¹ См.: Поппер К. Р. Предположения и опровержения: рост научного знания / пер. с англ. М., 2004. С. 91.

¹² Жуков В. Н. Указ. соч. С. 9—21.

¹³ Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. С. 156—157.

которым прибегает человеческий разум, для «правильного» взаимодействия со сконструированным такой наукой предметом и внешним миром. Начала и производные от таких начал следствия и структурные элементы науки не должны покойиться на каком угодно или произвольном основании, не должны превращаться в «башню вавилонскую, которая неминуемо должна была рухнуть»¹⁴.

Аргументативная система, принимаемая наукой в качестве модели мышления, а равно понятийный аппарат ее, схватывающий интеллектуальные достижения и отражающий известный консерватизм последней, и есть, по сути своей, не только плоть и кровь, но и непрекаемый авторитет — ее высшая догма¹⁵. Наука не функционирует вне принятых в ней канонов рассудка — принципы или априорные посылки обладают здесь всемогуществом¹⁶.

Справедливо отмечается, что между правовой доктриной и средневековой схоластикой допустимо усматривать значительное сходство. Обращаясь с правом сходным образом, как и философ-реалист (в средневековом смысле), типичный адресат требований положительного права воспринимает эту идеальную нормативную систему в качестве существующей и побуждающей к поступкам. Она воспринимается в качестве способной оказывать известное воздействие (пусть и не напрямую) на отношения между людьми благодаря замкнутому на самом себе понятийному аппарату, системе нормативных предложений и принципов¹⁷.

Все вещи, подвергаемые формализации юридической доктрины, «...не только могут быть выражены в терминах права, но и сами представляются как право, и только право, т.е. сливаются целиком с отвлеченной объективной нормой»¹⁸. Здесь возникает (что привлекает как своих критиков, так и своих защитников) своего рода правовая идеология. Такое отношение не является неожиданным, ибо смысловая картина или специфичный «идеальный тип», конструируемый правом, сводится к оперированию «специфическими смысловыми единствами» — абстрактными и формальными идеями в эфемерной и логически «чистой» области, «области смысла»¹⁹.

Справедливо подчеркивается устремление правовой доктрины держаться за устоявшиеся формы юридического мышления. Можно согласиться с мыслью, что история права есть история правового мышления²⁰, ибо юристы еще со времен Древнего Рима всегда опирались на правовые понятия и категории, мыслили при их посредстве, в то время как сами категории были вызваны к жизни «явно не потребностями правовой жизни, а самостоятельными потребностями юридического

¹⁴ См.: Петражицкий Л. И. Введение в науку политики права // Л. И. Петражицкий. Теория и политика права. Избр. труды. СПб., 2010. С. 29.

¹⁵ Об этом см.: Иванов А. Е. Правовая теория Джона Остина, или Опыт о принципах и взаимодействии Этики и Юриспруденции : монография. М., 2025. С. 223—227, 287—295.

¹⁶ Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 4, включая Общую теорию права. С. 21.

¹⁷ См.: Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 112—114, 124—125, 131—132.

¹⁸ См.: Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 131.

¹⁹ Кельзен Г. Указ. соч. С. 134—141.

²⁰ См.: Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. М., 1893. С. 202.

мышления» — потребностью связывать воедино правовые идеи и проводить между ними различия как между самостоятельными сущностями. История всей юриспруденции есть история логико-языкового и сугубо технического развития права — «история развития различных свойств юридического мышления и зависящих от них юридических явлений», история уточнения «схоластического» категориального аппарата права для практического его применения²¹. Значимость этого духовного капитала невозможно переоценить.

Действительно, консерватизм юриспруденции проявляется себя в известном благоговейном трепете и «безотчетном удивлении» перед старыми понятиями, «пред величием римского права», где последнее и сейчас, как и сотни лет до этого (ведь все позитивное право в любой национальной правовой системе в обязательном порядке обладает общими точками соприкосновения), «родит в своих адептах стремление сохранить в полной неприкосновенности римские понятия и отдельные институты...»²². Однако здесь целесообразно противопоставлять догматизм и здравую догматичность, ибо действительной пользой для правового сообщества может похвастаться не безусловное преклонение перед древним гением систематизации, хотя бы он и был сияющей путеводной звездой для десятков поколений правоведов, но уверенное, подобно мудрецам прошлого, «владение основными принципами» права, позволяющими «производить математические операции» с основными понятиями права у себя в уме²³.

Способность мыслить юридическими категориями и абстракциями, т.е. догматически, «схоластически» и «метафизически», есть важнейшая, сущностная характеристика догматической юриспруденции. Уяснение (постижение) и последовательное применение *принципа мышления* или метода, именуемого в современной юриспруденции *догматическим методом*, позволяет, таким образом, овладеть систематически изложенными (но сперва — открывает возможность изложить их систематически) логическими основаниями права.

Именно на научение юридическому мышлению и его принципам, не вечно сменяющемуся законодательству, и должна быть направлена юридическая подготовка (университетское образование) совместно с ею же наставляемой юридической деятельностью. Думается, что насыщение собственного ума «механикой» работы права, самой формальной сущностью его, есть качество, определяющее профессию, открытость к благоразумию и рассудительности в делах права. Само ремесло юриста, сам род их деятельности, приобретающей особую специфику благодаря ориентации на всеобъемлемость призрачной вуали права, «учит их сразу же видеть структуру в фактах и доктрине»²⁴ — учит их мыслить «юридически» и игнорировать, насколько это требуется последовательностью правовой аргументации, внеправовые проблемы.

²¹ См.: Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции: опыт по истории римского права. М., 1875. С. 4—5, 7.

²² Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции. С. 181—182.

²³ См.: Савиньев Ф. К. фон. Система современного римского права : в 8 т. М., 2011. Т. 1. С. 142.

²⁴ См.: Дэоркин Р. Империя права. М., 2021. С. 357.

II. Догматический метод

«Душа» и основной инструмент юридической доктрины, а равно правового позитивизма — *догматический метод*. Он есть определенный технический инструментарий или арсенал логических методов и процедур, направленных на выявление, формализацию и представление в логически очищенном виде сферы правового регулирования. Его следует понимать как некую «совокупность способов обработки и анализа содержания действующей системы права», предлагающую логические, языковые и иные средства, направленные на выражение структурных закономерностей права²⁵.

Этот принцип мышления посвящен юридико-технической формализации человеческого поведения посредством правовых категорий. Он используется, во-первых, для конструирования правовой реальности как области смысла через оформление механизма воспроизведения положительного права. Здесь целесообразно установить необходимую логико-юридическую связь между различными правовыми идеями, запечатленными в категориях права. Внимание надлежит приковывать к юридическому тексту и описываемым им юридически значимым вещам, в то время как «волю законодателя» и т.п. вопросы вполне сознательно стоит вынести за скобки, ибо существование идеальных типов, создаваемых правом, возможно без учета практически любых внешних обстоятельств²⁶.

Во-вторых, догматический метод используется для изложения такой реальности в терминах юридического языка — в виде целостной системы. Непосредственная цель описания есть практическое использование права. Более отдаленная цель — познание права, возможности которого ограничиваются пределами самой доктрины права, из соображений обеспечения технического совершенства объективных правовых форм.

Догматический метод органично связан с предметом собственного исследования, учитывает требования, правила и специфику его природы. Он имманентен сфере права, не является чем-то извне привнесенным в эту область²⁷. Упреки этого метода в узости и зашоренности, непригодности для инноваций, в результате чего может быть предложено обратить догматическое рассуждение на вещи, инородные даже ему, стоит отбросить в качестве грубых заблуждений, отрицающих формализм права, самостоятельное бытие подобной его «ипостаси». Единственное, что способно продемонстрировать развенчание «культы права» или «правового фетишизма», — это интерпретационная ангажированность говорящего, его неготовность к догматическому исследованию права и, быть может, близорукость, вызванная простым невежеством.

Догматический метод описывает особое положение дел, вмененные следствия между элементами права. «Истинность» выводов по вопросам права пребывает в прямой зависимости от соотнесения чего-либо со своего рода необходимыми

²⁵ См.: Лазарев В. В. Проблемы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 57.

²⁶ См.: Kelsen H. The Pure Theory of Law and Analytical Jurisprudence // Harvard Law Review. 1941. Т. 55. № 1. С. 55.

²⁷ См.: Иеринг Р. Юридическая техника // Р. Иеринг. Избр. труды : в 2 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 320.

истинами, постулируемыми правом²⁸. Догматическое мышление предполагает переориентацию наших суждений на строгую платформу положительного права. Максиме нашего поведения адресуется требование, в соответствии с которым должно принимать во внимание, даже *перенимать его и делать своим собственным*, мнение права, ибо только оно есть единственно допустимое, в отличие от положений иных нормативных систем, основание наших поступков.

Сам факт существования положительного права означает, что суждения и поступки впредь не могут быть произвольными, но должны ориентироваться на «истины» закона. Важным значением обладает *негативная характеристика* лegalного предписания, ибо право суть «исключающее основание»²⁹, проводящее сколько-нибудь строгую демаркационную линию между «правом» и «не-правом», т.е. «аутентично» высказывающееся о том, что есть право и правовое. Принимая эту линию рассуждений, мы оказываемся стороной особой формы коммуникации, где создаем право, обеспечиваем воспроизведение его, становимся, используя известное выражение, «поданными империи права... вассалами... абстрактного и бесплотного суверена — закона»³⁰ (курсив наш. — А. И.).

Следуя особой линии аргументации, формально-догматическое мышление, основывающееся, вне всяких сомнений, на законах формальной логики, расходится с последней в одном важном отношении — оно является *реалистичным*. Формально-юридическое рассуждение не пребывает в полной мере в плоскости трансцендентальных и метафизических логических постулатов «правильного» мышления, раз и навсегда неизменных вне зависимости от обстоятельств места и времени. Оно, напротив, привязано к реальному миру и реальным людям, социальному целому. Догматическая юриспруденция, требующая к себе определенного отношения, есть, на первый взгляд, статичная, даже закостенелая и закрытая для изменений система. С действительностью, отнюдь не удручающей, дело обстоит несколько иначе. Неизменной здесь оказывается лишь «механика» формальной юридической логики, предписывающей связывать одну правовую идею с другой надлежащим, т.е. соответствующим самому праву, образом.

В остальном общее «уравнение» положительного права является системой, открытой для «переменных». Это — гибкая, адаптивная и *открытая система*, способная сделать юридически действительным любое положение с любым содержанием при условии, что оно будет включено в право и станет частью последнего в соответствии с правилами и процедурами, специально установленными правом для собственного воспроизведения. Обычай как социальная норма становится правовым обычаем, моральный принцип или религиозный догмат получают новое рождение в качестве нормы национальной конституции или положения международно-правового акта лишь благодаря внутренним закономерностям права, ибо последнее, используя удачную метафору Г. Кельзена, подобно мифическому царю Мидасу — превращает в право все, к чему прикасается³¹.

²⁸ См.: «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб., 2013. С. 89.

²⁹ Финнис Дж. Указ. соч. С. 294.

³⁰ Дворкин Р. Указ. соч. С. 11.

³¹ Кельзен Г. Указ. соч. С. 342.

Заключение

Человек повелевает правом, только подчиняясь ему, «законам» и «принципам» его существования. Право есть инструмент, который, как и любое иное средство, предполагает специальную технику должного с ним обращения. Успех различных предприятий, к которым целесообразно подступаться с использованием возможностей права, напрямую зависит от овладения этим гибким и искусным орудием, от понимания его логических первооснов, технических особенностей конструирования и теоретико-практических пределов его использования.

Отказ или неспособность «приручения» юридической плоскости стоит связывать с профессиональной непригодностью человека, считающего себя юристом, а равно с потенциальной угрозой, которую неблагоразумие в вопросах права таит по отношению к наличной правовой системе как целостности. Догматичность — не порок, но величайшее достоинство права и мышления, ориентирующегося на право.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. — М., 1998.
2. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. — М., 2003.
3. Дворкин Р. Империя права. — М., 2021.
4. Жуков В. Н. Догматический метод и мифы юридического позитивизма // Право. Порядок. Ценности : монография. — М., 2022.
5. Иванов А. Е. Правовая теория Джона Остина, или Опыт о принципах и взаимодействии Этики и Юриспруденции : монография. — М., 2025.
6. Иеринг Р. Юридическая техника // Р. Иеринг. Избр. труды : в 2 т. — СПб., 2006. — Т. 2.
7. Кельзен Г. Чистое учение о праве. — 2-е изд. — СПб., 2023.
8. Лазарев В. В. Проблемы в праве и пути их устранения. — М., 1974.
9. Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики. — М., 2012.
10. Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции: опыт по истории римского права. — М., 1875.
11. Муромцев С. А. Что такое догма права? — М., 1885.
12. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. — СПб., 2013.
13. Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. — М., 1980.
14. Петражицкий Л. И. Введение в науку политики права // Л. И. Петражицкий. Теория и политика права. Избр. труды. — СПб., 2010.
15. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: рост научного знания / пер. с англ. — М., 2004.
16. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права : в 8 т. — М., 2011. — Т. 1.
17. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. — М., 2012.
18. Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. — Казань, 1898.

19. Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. — М., 2016. — Т. 4, включая Общую теорию права.
20. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. — М., 1893.
21. Austin J. Lectures on Jurisprudence, or the Philosophy of Positive Law. — 1885. — Vol. 2.
22. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined and the Uses of the Study of Jurisprudence. — London : John Murray, Albemarle Street, 1832.
23. Kelsen H. The Pure Theory of Law and Analytical Jurisprudence // Harvard Law Review. — 1941. — T. 55. — № 1. — С. 44—70.

